

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Доска судьбы

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Серия «Роковой артефакт»

Оформление — Анастасия Орлова

Александрова, Н.

А46 Доска судьбы: [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-176685-6

Что общего у Александра Македонского, Юлия Цезаря, Чингисхана, Петра Первого и Наполеона, кроме того, что все они были выдающимися государственными деятелями и талантливыми военачальниками? Может быть, то, что каждому из них в жизни выпадал период невероятной удачи, когда удавалось буквально всё ими задуманное, и никто на свете не имел ни малейшего шанса им помешать? Было ли это простым совпадением или подобная удача имела какое-то другое объяснение, недоступное простым смертным?

...Любительница частного сыска Надежда Лебедева утром вынула из почтового ящика письмо. Послание было адресовано не ей, и вместо того, чтобы сделать как все — поставить чужое письмо на почтовый ящик, — она решила отнести его адресату сама. Лучше бы Надежда этого не делала! Судьба-злодейка подбросила ей очередную криминальную историю, словно зная, что Надежда не сможет удержаться и пройти мимо. Ей пришлось разбираться с загадочным убийством, искать шесть бронзовых бюстов и разгадать тайну членов таинственного мистического общества...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Александрова, 2026
ISBN 978-5-17-176685-6 © ООО «Издательство АСТ», 2026

Надежда Лебедева перехватила поудобнее большущий узел с одеждой и открыла ключиком почтовый ящик. На пол тут же высыпались какие-то яркие буклеты и рекламные листовки. Надежда со вздохом плюхнула узел рядом и наклонилась, собирая макулатуру.

— И выбросить всё скопом никак нельзя, — вздохнула она, вспомнив, как в прошлом месяце вот так же в сердцах выбросила квитанцию о квартплате.

Пришлось потом идти в ТСЖ и выслушивать там разные советы о том, что при забывчивости и рассеянности неплохо бы пить витамины и вообще врачу регулярно показываться, анализы сдавать. Техник-то у них женщина приличная, вежливая, а вот управляющая за словом в карман никогда не лезет, и слова у нее не слишком приятные.

Итак, наученная горьким опытом, Надежда тщательно перебрала все бумажки, никакой квитанции не нашла, а нашла письмо. Обычное письмо, в официальном конверте, адрес отпечатан на

принтере и фамилия. Незнакомая. Адресатом значилась Вчерашняя Анна Савельевна.

— Ну и ну! — Надежда покачала головой. — Вот так фамилия. Всё ясно, адресом ошиблись.

Однако адрес тоже оказался неправильным, только улица совпадала, а номер дома и квартира были не те. И каким образом почтальонша могла так ошибиться?

Надежда хотела поставить конверт наверх, на почтовый ящик, как все делают, чтобы в следующий раз почтальонша забрал письмо, но вспомнила, что почтальонши-то у них сейчас как раз нет, она уволилась, чтобы с внуком сидеть, так на ее место никого и не нашли. Соседка Антонина Васильевна, которая всё всегда про всех знает, сама на почту ходила узнать, не появился ли новый сотрудник, так они там и разговаривать с ней не стали — работников не хватает, кто на такую зарплату пойдёт ноги стаптывать, и так далее... Так что это письмо вряд ли до адресата дойдёт, будет валяться тут, возле ящиков, неделю за неделей, пока уборщица его не выбросит. А вдруг оно важное? Скорее всего, конечно, нет, но вдруг?..

Надежда посмотрела на обратный адрес. Никакой фамилии, только буквы — ООО «Гиппогриф». Ясно, что фирма, только название странное.

Ладно, решила Надежда, придётся письмо на почту отнести, так, по крайней мере, можно будет считать, что она сделала всё, что могла. Почта не так близко, но погода хорошая, лето на дворе, солнышко светит после ночного дождя, у нее, Наде-

жды, конечно, дел много, но минут двадцать она может себе позволить потратить на благое дело.

Муж вчера уехал в командировку, Надежда решила в его отсутствие заняться хозяйственными делами, которых накопилось порядочно, а к выходным он непременно вернётся, и они повезут в субботу кота на дачу к бабушке. Муж Надежды, Сан Саныч, обожал кота безмерно, не хотел с ним расставаться даже ненадолго, но, скрепя сердце, признавал, что животному летом требуются свежая травка, живые мыши и долгие ночные прогулки. Это очень полезно для кошачьего здоровья, о чем муж пёлся неустанно и старательно.

А сегодня с утра Надежда собрала оставшуюся зимнюю одежду — старую куртку, пару мужских свитеров, своё тёплое платье — и решила отнести всё в химчистку. Она подхватила узел с одеждой, в другую руку взяла пакет с мелкими вещами — шарфами, вязаной шапочкой, в которой муж катался на лыжах, спрятала письмо в карман и вышла из подъезда.

Погода была прекрасная, однако солнце уже грело жарко. Середина июня, лето... Надежда прошла мимо детской площадки, свернула в скверик, поздоровалась с соседом, который выгуливал собаку, и вышла на свою же улицу, только гораздо дальше. Так жители района всегда ходили, быстрее, чем по улице, и воздух чище.

И тут Надежда осознала, что идёт как раз вдоль того самого дома, куда было адресовано письмо. Ну да, дом двенадцать, квартира двадцать четыре.

Вот он, дом двенадцать, корпус один, а квартира, наверное, в первом подъезде.

Узел с одеждой нести было очень неудобно, а пакет вообще норовил выскользнуть из рук, так что Надежда рассудила, что быстрее будет ей сейчас просто опустить письмо в почтовый ящик двадцать четвертой квартиры, чтобы не тащиться до почты.

Сказано — сделано.

Точнее, не сразу получилось, потому что дверь подъезда, естественно, была оснащена домофоном. Надежда потопталась в раздумьях, и тут открылась дверь, и вышел парень с лабрадором.

Лабрадор вежливо махнул хвостом Надежде, а парень придержал ей дверь, и она устремилась было к почтовым ящикам, но была остановлена окриком:

— Гражданка, а вы в какую квартиру?! — Это выглянула из стеклянной будочки консьержка.

— Да я вот... — Надежда сунула руку в карман за письмом, но письмо оказалось в другом кармане, так что, пока она искала, консьержка вышла из своей будочки.

Женщина была колоритная. В платье в крупных ярких цветах, черты лица у нее тоже крупные, не так чтобы тщательно вылепленные, и терялись на лице только глаза — в щеках утопали. Ноги консьержка сунула в домашние тапочки, тоже в цветочек, правда, помельче, чем на платье. В руках она держала большую бутылку с водой, и тут же принялась поливать многочисленные цветы, расставленные на подоконнике, полке, на

стеллаже для книг (книг не было, всё занимали цветы) и даже на полу, до самого лифта.

На взгляд Надежды, цветов было многовато, но это дело жильцов, если их устраивает, то и ладно.

— Так вы куда идёте? — поинтересовалась консьержка, поливая фикус.

— Да я хотела письмо в ящик опустить. — Надежда наконец достала злополучный конверт. — Вот, в двадцать четвертую квартиру, мне по ошибке оно пришло...

— В двадцать четвертую? — Консьержка едва не обронила бутылку, та наклонилась, и вода пролилась на тапочки с цветочками. — В двадцать четвертую? — Она странно затрясла головой. — Анне Савельевне?

— Ну да, вот написано — Вчерашней Анне Савельевне. — В подтверждение своим словам Надежда потрясла письмом.

— А вы разве не знаете? Так погибла же она третьего дня! — бухнула консьержка.

— Что? — От неожиданности Надежда выронила свой узел. — Что вы говорите?

— Вот то и говорю! — Консьержка опасливо оглянулась на лифт, который как раз шёл вниз, с удивительной для такой комплекции прытью скакнула в свою будочку и поманила Надежду за собой.

Надежда вошла за ней следом. И села на пуфик у стены. В будочке еще уместились маленький столик с чашками и чайником и подростковый диванчик, который консьержка заняла целиком.

— Чтой-то вы, дама, побледнели... — заговорила она. — И то сказать, такое известие кого хочешь в дрожь вгонит. А я вот всё это своими глазами видела...

Тут она остановилась, ожидая, надо думать, реплики от своей собеседницы. И Надежда, разумеется, отозвалась:

— Да как же это случилось? Ой, расскажите!

С консьержкой было всё просто. В ее монотонной однообразной жизни случилось такое необыкновенное событие, да еще она оказалась, можно сказать, в самом центре. Тётка уже много раз пересказывала всё случившееся всем знакомым, всем жильцам и посторонним людям в магазине или в автобусе. Но жильцам слушать эту историю по второму или третьему разу было неинтересно, а управляющий домом строго сказал, чтобы она не болтала — дескать, одни тут хотели квартиру продать, так сделка сорвалась, когда покупатели узнали про убийство. Так и сказали, что им никакого криминала в доме не нужно.

Так что консьержка ужасно обрадовалась свежему человеку.

А вот отчего Надежда решила послушать о страшном происшествии из первых, так сказать, рук — дело другое. Но об этом после.

Консьержка начала издавека, и речь ее текла ровно и гладко, видно, натренировалась уже, наизусть рассказ выучила.

— Значит, третьего дня, аккурат в воскресенье, прихожу я на работу, как раз управляющий попросил выйти вместо Полины, она на дачу уехала.

Так-то я только по будням, а она — по выходным дежурит. Ну, значит, прихожу я к девяти, как обычно, только села кофе пить — бежит Галина из двадцатой квартиры. Ой, кричит, что делать, что делать, Савельевна сверху на меня протекает. Я ей говорю, а что я-то могу? Звоните к ней, в двадцать четвертую. Звонила, отвечает, и по телефону, и в дверь — нет ответа. А у меня, говорит, пятно в прихожей на потолке какое-то странное. Если вода, то ржавая какая-то... Может, говорю, ей плохо стало, раз не отвечает? А тогда, она говорит, отчего пятно на потолке? Когда человеку плохо, он в кровати лежит или «скорую» вызывает. — Консьержка остановилась перевести дух, потом продолжала, увидев, что Надежда внимательно слушает: — Ну, позвонила я Савельевне... То есть это мы между собой ее так называли, так-то дама она была приличная очень, хоть и сильно пожилая. И никогда от нее никаких неприятностей, сама не жаловалась, и на нее никто не жаловался. Ну, побежали мы в квартиру Галины, там и правда пятно какое-то на потолке подозрительное. И она говорит, что пятно больше стало. Что делать? Управляющий примчался, подумал немного, позвонил в двадцать четвертую да и вызвал полицию. Пока их ждали, всё звонили, а у Галины в прихожей пятно уже совсем большое. Как слесарь замок открыл, мне мент и говорит, чтобы я позвала Савельевну от двери, чтобы голос был знакомый, а то, говорит, старуха увидит мужиков незнакомых, может со страху в обморок грохнуться. Как я сунулась в дверь — так сама едва

богу душу не отдала. Лежит Анна Савельевна, голубушка, прямо в коридоре на полу. Халат на ней, батюшки мои, весь в крови, и вокруг головы тоже кровь, кровь, и лужа огромная к двери течёт, у нее там в плитке трещина, вот к Галине вниз и просочилось.

— Ужас какой! — невольно вырвалось у Надежды, когда она представила такую картину.

— И не говорите! Ну, менты меня сразу отодвинули, сами в квартиру вошли, воду перекрыли, всё осмотрели.

— Ограбили ее, что ли? — поинтересовалась Надежда.

— Да никто и не знает. Так квартира, конечно, богатая, много вещей красивых и старинных. У меня знакомая у нее убиралась, так она говорит, что ничего не пропало.

— А она-то откуда знает, может, драгоценности какие взяли, деньги или еще что-то?

— Вот менты тоже к ней сначала прицепились, а потом отстали, потому что в квартире всё чисто и аккуратно, видно, что никто посторонний не шарил по шкафам, не рылся, ничего не искал. Так что вроде бы склоняется полиция к тому, что Савельевне плохо стало, голова закружилась, она ванну стала наливать, вышла зачем-то в коридор и упала.

— А почему в прихожей, а не в ванной? И откуда столько крови?

— Вот и я думаю, что странно это. — Консьержка понизила голос. — С чего бы ей падать? Немолодая, конечно, была женщина, но бодрая.

Не понятно, сама убилась или ударил кто... А им лишь бы дело закрыть.

Тут Надежда осознала, что ведёт себя если не глупо, то очень неосторожно. В самом деле, зачем она сидит тут и слушает рассказы про смерть старушки? Кто она ей? А если любопытная консьержка спросит, зачем ей это надо знать? И объяснение Надежды про письмо, конечно, неубедительно. И не сдаст ли бдительная тётка ее полиции? Дескать, вот гражданка письмо принесла, якобы ей по ошибке прислали. Нормальные-то люди то письмо поставили бы на почтовый ящик, а она, вишь, решила сама отнести. Странно это...

Надежда прикинула, как бы уйти, но в этот момент консьержке позвонили. Она сказала всего два слова: «Да. Сейчас приду». А потом обратилась к Надежде:

— Тут такое дело, голубка... Можете вместо меня пять минут посидеть? Понимаете, сватья ягоды привезла с дачи, клубнику. Нужно забрать быстро, я мигом... — С этими словами консьержка схватила кошелек и бросилась к выходу, чуть не теряя тапочки, Надежда и слова не успела сказать.

Она посидела немного и подумала, что сейчас самое время ей уйти. Но если уйти, то у консьержки непременно неприятности будут. С другой стороны, какие уж неприятности? Небось, не секретный объект та охраняет. Ну, управляющий увидит, что ее нет, так в туалет имеет право человек пойти? И Надежда поднялась уже с места, но тут в подъезд вошли двое мужчин, при взгляде на которых она сразу определила, что те из полиции.

Во-первых, несмотря на тёплую погоду, оба были в кожаных куртках. Во-вторых, выражение лиц у обоих было специально-строгое, чтобы никто не смел отвлекать пустыми вопросами. То есть сразу было видно, что люди пришли по делу. А какое может быть у них дело, если в доме убийство произошло буквально третьего дня? Правильно, наверняка в двадцать четвертую квартиру они идут, а что там станут делать, то начальству доложат, а посторонним об этом знать не положено.

Надежда застыла на месте, пытаясь сделать вид, что она невидима. Но не тут-то было, потому что один из вошедших направился прямо к будке. То есть миновать ее и так было нельзя.

— Полиция! — сказал он, махнув в воздухе квадратиком удостоверения. — Дайте ключи от двадцать четвертой квартиры!

И поскольку Надежда от неожиданности застыла на месте, он громко постучал в стеклянную стенку.

— Но... — Надежда вздрогнула и пришла в себя. — Но я не могу...

— Как это «не можете»? Вы обязаны оказывать помощь следствию! — повысил голос тип, переступая с ноги на ногу, то есть, фигурально выражаясь, бил копытом.

Тут второй полицейский, по виду постарше, с залысинами, в клетчатой рубашке под курткой, вышел на первый план.

— Антоша, — положил он руку напарнику на плечо, — ты погоди шуметь. Значит, здравствуйте! — сказал он Надежде, и она кивнула в ответ. — Знаем порядки ваши, знаем, что вы за ключи от-

ветственность несёте. Давайте так сделаем: вы с нами поднимитесь в квартиру, двери откроете, а потом мы когда уйдём, то вам скажем, и вы запрёте квартиру.

И что было делать? Не объяснять же, что Надежда вовсе не консьержка, что она вообще тут случайно оказалась. Ага, полиция не любит случайных людей в доме, где убийство произошло.

Надежда огляделась и не увидела никакой доски с развешанными ключами. Значит, в ящике. Так и оказалось, в ящике лежали несколько связок ключей, Надежда нашла нужные с номером двадцать четыре на бирке и вышла к лифту.

Пока ждали лифт, старший объяснил, что они криминалисты, нужно еще кое-что в квартире посмотреть, но чтобы она не волновалась — они быстро закончат. К счастью Надежды, они не встретили никого из соседей, старший полицейский сам снял охранную бумажку на двери, и они вошли.

Прямо перед дверью была засохшая лужа ржаво-коричневого цвета, и пахло очень неприятно. Криминалисты разошлись по квартире.

Надежда немного выждала и не выдержала, проскользнула вслед за ними. Зачем она это сделала? Почему вместо того, чтобы идти вниз, а потом бежать из этого злополучного дома как можно быстрее и дальше, она прошла в квартиру? Тут надо объяснить.

Дело в том, что Надежда Николаевна Лебедева, интеллигентная женщина средних, скажем так, лет, с высшим техническим образованием, проживаю-